

1.

Он сидел перед открытым окном. Приятные весенние запахи цветущих растений: трав, цветов, почек — вливались в тёмную комнату, наполняя её свежестью раннего утра и возбуждающей энергией весны, которая пробуждала в нём воспоминания детства. Ему не было ещё двадцати, впрочем, день рождения будет сегодня. Родился он в пять вечера, мать рассказывала, что на столе тогда был вишнёвый пирог, с тех пор ему приятен этот запах — тёплой, кисловато-сладкой вишни, нежный вкус весны, поздней весны, затянувшейся.

Он не спал всю ночь, может быть, так же мучился, как когда-то его мать, когда рожала его. Но эти мучения были близки не к рождению, эта боль была не болью счастья, когда даёшь миру новую жизнь, а болью разочарования, болью утраты, болью смерти. Впрочем, смерть не наступила,

она лишь приблизилась к юности, лишь дыхнула на него, он почувствовал её мертвецкий, трупный запах, противоположный тому, который сейчас вдыхал полной грудью счастливой наивной юности, не замечавшей неудач и предверия горя.

Это был сон, ужасный сон, который, раз начавшись, продолжается всю жизнь. Он ещё раз испытывал жгучую боль, те страшные урывки картин, мелькающих в его сознании, дрожащих, гаснущих в серой дымке, во мраке. Когда он ещё не знал, что стал инвалидом.

На поле их привезли на расвете, который, как сейчас, загорался где-то вдаль, было по-весеннему прохладно, земля была свежей, ночью был мелкий дождь, и запах сырой земли, в которой пахарь должен был посеять зёрна, пропитывал молодых бойцов ожиданием. Она просила ласки, ждала своего хозяина, чтобы он накормил её: вспахал и засеял пшеницей.

Он присел на корточки, положив автомат на мягкий чернозём, дышащий предутренними парами — дыханием земли, взял землю в ладонь, крепко сжал, сказав: «Родная». Кто-то стукнул ему в спину, неприятно ударив его не то сапогом, не то коленом.

— Чего сидишь?! Поднимайся, каждая минута дорога, — это был капитан, его острые скулы и курносый нос кого-то или что-то ему напомнили, а чёрные, строгие холодные глаза впились

с подозрением в его юношеское, доверчивое, простое лицо сельского парня, принявшего присягу три месяца назад и ещё не привыкшего к жёсткой, безжалостной военной службе, начавшейся для него войной.

— Чего рот открыл?! — добавил капитан с раздражением. — Вперёд, вперёд, орлы! Вы лучшие, вы солдаты неба! За Украину!

Подозвав к себе сержанта, он сказал ему:

— Враг занял вон те развалины аэропорта, сектор «В12». Его надо любой ценой отбить. Слышишь, сержант, любой ценой!

— Вас понял, — выпалил сержант.

Капитан остался у броневика, а солдаты во главе с сержантом их роты воздушно-десантных войск, пригнувшись, в камуфляжных формах, направились к мрачному силуэту башни, укрытому в серой предрассветной дымке. Но не успели они пройти и пяти минут, как земля под ними превратилась в огненный ад.

Он уже ничего не слышал, снаряд или мина разорвалась близко от него. Дым, клубни земли, словно дождь окружали его. В этой свалке чёрного и серого он совсем растерялся, прижался к земле, которая теперь не казалась ему свежей и тёплой, манящей и нежной, напротив, она была холодной, какой-то злобной, враждебной и пахла порохом. Ему показалось, что какой-то глухой, безболезненный, но могучий, почти мгновенный рывок разделил

его пополам. Потом тьма, в которую он провалился мгновенно...

Открыв глаза, он увидел ползущую землю, словно она уходила от него. Увидел взрытую, уродливую землю, впитавшую в себя человеческую кровь и от этого ставшую более чёрной и мертвенной, увидел обезображенные части человеческих тел, уродливые, покрытые кровью мёртвые лица ребят, так и оставшихся лежать в ней.

Одни лежали с открытыми глазами, другие с полузакрытыми. Ему показалось, что они были ещё живы, он захотел закричать, чтобы безжалостная земля остановилась, прекратила бесконечное вращение, но взошедшие на ней чудовищные плоды пробудили в нём зловещий страх. Обманутая человеком земля, ожидавшая жизнь, неожиданно пробудила в себе ненависть и породила в себе уродство и смерть, вызывавшую в его сердце безумный страх. Расколовшийся на две половины череп сержанта, которому не исполнилось и двадцати трёх лет, был пуст, а рядом, у самого бедра лежал закипевший от высокой температуры розово-чёрный мозг.

Потом опять провал в памяти... Этот сон, который он хотел больше не видеть, возвращался почти каждую ночь. Порой ему казалось, что он выпал из времени, что это всего лишь ужасный кошмар или жуткий ночной фильм. Ему мерещилось, что это он тогда погиб, что именно он побывал в аду, а ребята остались в реальной

жизни... Но проклятье жизни куда страшнее ада. Его пальцы осторожно, словно он ещё не верил или сомневался, потянулись к ногам и нащупали там лишь два уродливых обрубка, скрытых под материей. «Странно, — подумал он, — а ведь я готов был поклясться, что чувствую их». Но, коснувшись, понял, что ошибся. Второй догадкой, что он не во сне и не в аду, а в реальной жизни, был этот золотистый край горизонта, где блестела бесконечная земля, оплодотворённая и ожидавшая богатый урожай.

2.

Этот день был вдвойне радостным для него. Во-первых, день рождения, ему исполнилось двадцать лет, а во-вторых, сегодня, в полдень, к нему должен был приехать сам президент. К этому торжественному событию стали готовиться ещё за неделю. Представители из областной администрации к ним в село прибыли за три недели, как только узнали о такой великой новости. Нет, речь шла, конечно, не о дне рождения Максима, потерявшего в зоне боевых действий обе ноги, а о визите президента страны. Впрочем, этого визита могло и не быть, как сказал секретарь президента главе обл администрации, но, разумеется, никто об этом из села под Одессой не знал. Поэтому жители деревни стали готовиться к визиту главы государства с особой тщательностью, а местные чиновники

со страхом и уважением, породившим этот страх.

Разбитые дороги, не знавшие асфальта и в помине, вдруг были покрыты за какие-то десять дней, правда, только до дома Максима; выделена была сумма денег, — из закровов главы — на новую крышу взамен старой, дырявой; туалет, стоявший особняком возле кучи навоза, принял стройный вид и обрёл ярко-белый цвет, навоз убрали, ограду не восстановили — на этом у главы казна закончилась, — но подровняли и окрасили в тот же цвет, что и туалет. Сарай решили не трогать: президент любит старинный декор, напоминающий ему приятные былые времена, которые запечатлели в памяти тёплые воспоминания о деревне, но десяток кур в пустой курятник пришлось добавить председателю из своего каменного курятника. Птицы, очутившись не в своей гавани, вели себя странно, они вытягивали шеи и одним удивлённым или напуганным глазом осматривали столпившуюся у ограды и во дворе толпу людей.

И в самом деле, уже к девяти часам утра у калитки, где ещё был запах свежей краски, начали собираться люди. По их одежде было видно, что они не местные. Это были люди, прибывшие из города, в основном, журналисты — охотники за новостями. Потом пришвартовались у наклонной обочины машины областной и местной администраций, что говорило журналистам, у которых

развито чутьё на сенсации, что визит таки состоится.

Пока толпа горожан, к которой стали присоединяться и любопытные местные жители, толпилась мелкими кучками у калитки и во дворе, а мать Максима, сорокапятiletняя полная крестьянка, заботливо бегала между приезжими и с добродушной улыбкой услужливой хозяйки разносила ещё теплые пряники, угощая ими незнакомых ей людей, Максим сидел за письменным столом, в своей инвалидной коляске, подаренной ему в госпитале, как инвалиду и ветерану, вернувшемуся живым из зоны боевых действий, — всё, что он привёз с востока Украины, не считая медали, которую он с любовью, бережно хранил в шкафу до сегодняшнего дня.

Ещё в семь утра к нему вошла мать, удивилась, что он не спит, а сидит в коляске у открытого окна, откуда дул весенний ветерок. Она помогла ему привести себя в порядок, одела его в военную форму, в которой он четыре месяца назад прибыл из госпиталя. Вынула из шкафу медаль и дала сыну. Он надел её, прикрепив к груди. Мать поднесла зеркало, чтобы он мог увидеть себя. Максим поправил рубаху, коснулся медали, прижав её к телу с гордостью, выпрямился.

— Красавец ты у меня, — сказала мать.

Максим посмотрел в своё отражение в зеркале, на расчёсанные волосы, увидел пару грустных глаз. Они показались ему не

такими детскими, как в тот день, когда он покидал родную деревню с рюкзаком за плечами, они потускнели, веки, казалось, опустились, делая взгляд более суровым, повзрослевшим. Но внутри Максим остался прежним наивным юношей, прожившим всё детство в родной деревне и впервые столкнувшимся с грубостью и жестокостью жизни за пределами родного гнезда.

Но даже теперь, оставив свою часть тела за пределами родного края, он всё ещё мечтал о большой счастливой жизни. Теперь в своём отражении в зеркале, которое держала его мать, он видел не юношу и ощущал себя уже не юношей, а повзрослевшим молодым человеком, мужчиной, впрочем, ещё не зрелым, потому что, по его убеждению, зрелость приходит к мужчине только после сильной любви к женщине.

Мать, приготовив комнату Максима для приёма президента и перекрестив сына, убежала к гостям. А Максим вновь погрузился в воспоминания. Только теперь это были приятные, хотя и вызывавшие в нём трепетное волнение, мысли. В них была Оксана — милая, стройная девушка, младше Максима на два года, его первая любовь, которую он с трепетом юноши, не знавшего женской ласки, хранил в груди вот уже пять лет. Они собирались повенчаться в местной церкви, когда он вернётся со службы. Она казалась ему такой заботливой, ласковой с ним, порой строгой и рассудительной.

Он помнил, как они вместе гуляли долгими тёплыми вечерами вдоль ставка; как её очаровательные босые ножки таяли в пышной зелени травы; как они вместе собирали вишню на дереве, как он помогал ей нести ведро парного молока только что подоенной ею коровы; как они вместе убегали от козы, неожиданно вздумавшей погнаться за ними, и как он прыгнул с деревянной платформы в мутный ставок, спасаясь бегством от взбешённого молодого телёнка; проплыла в тёплых воспоминаниях о девушке их предрассветная рыбалка, где он поймал огромного карася и где на берегу под деревом, раскинувшем ветви до самой воды, он впервые испытал первый сладостный поцелуй, прижав свои дрожащие от волнения губы к её влажным девичьим губам, как тогда волнением колотилось его сердце, когда он ласкал её девственную упругую грудь с розовым нежным соском. Но вдруг к этим тёплым воспоминаниям добавились ещё горькие чувства, чувство обиды, ревности, неясности и, как следствие, разочарования и пустоты, в которой он пребывал последние четыре месяца. На службе он писал ей длинные письма, полные любви и юношеских мечтаний, и она отвечала ему так же тепло и жарко. С одним таким письмом, в котором любовь заменила ему броню, он и пошёл в ту ночь в бой, когда потерял обе ноги. Писал он ей и в госпитале, но стыдливо скрывал своё нынешнее уродство.

Однако в деревне невозможно что-либо скрыть, и как только он вернулся в родное село, уже все жители деревни знали о его тяжелом ранении. Оксану он видел несколько раз за четыре месяца, да и то случайно в первом месяце, когда она возвращалась с учёбы из города. Она увидела его у калитки, сидящего на лавке, без ног, горящего жгучим ожиданием, измученного трепетным волнением, всё ещё надеявшегося на неё. Он увидел её издали, как Робинзон, ожидавший на горизонте судно — последнюю надежду, она шла тяжело, как гружёная баржа, хотя она ничего тяжёлого не несла, кроме её студенческой сумочки с конспектами. Оксана, поравнявшись с ним, но не подошедшая к нему, чуть заметно поклонилась и быстро пошла прочь. Но даже за этот миг взгляда, полного жалости, он увидел её покрасневшее лицо. Он ещё долго смотрел ей вслед. Ему показалось, что она стала полнее, но эта полнота не портила её гибкого стана и стройной девичьей фигурки, она стала более женственна, но ... более далёкой для него, холодной и тающей в дымке, как и его мечты об их будущем.

Он инвалид! А что он ещё хотел?! Она красивая, подвижная, с молодой энергией, так привлекающая мужчин, умная, у неё должно быть счастливое будущее, ясное и золотистое. Он погасил свою ревность и любовь чувством более благородным к этой женщине — он посчитал себя не

отвергнутым, а другом, настоящим другом, который, зная, что причинит любимой лишь боль и страдание в жизни, освободил её от своей любви, теперь она для него не невеста, а друг, ради которого он сделает всё на свете, перевернёт горы и проплывёт океаны. Это его желание превратиться в друга, а не в любовника или мужа, твёрдо засело в его сознании, он хотел всё это сказать ей, не краснея и не волнуясь, ведь он уже всё решил. Но сколько раз он ни выходил за ограду, она всё не появлялась, наверное, выбрала другую дорогу. Потеряв надежду, или почти потеряв, ибо влюблённые всегда оставляют последний отступ, он выяснил через своих друзей, что с ней всё в порядке, жива и здорова. Большого ему и не нужно было. Из-за гордости, которой у него с лихвой было, он не решался написать ей. Так и ждал, вспоминая о ней, словно принимая бальзам после травмы.

3.

Он услышал лай собаки, животное, запертое в комнате, рвалось наружу, слыша во дворе голоса незнакомых людей.

Если бы она пришла. Большого ему и не нужно было. Она увидит, как президент лично приедет к нему, и, быть может, будет им гордиться, что жила с ним в одной деревне.

Он посмотрел на настенные часы, было четверть одиннадцатого. Развернул коляску к часам,

так легче было следить за временем. Часы были в форме футбольного мяча, а под ними, вдоль всей стены, над кроватью висели фотографии минувших счастливых лет. Теперь он это понимал, счастье ушло, и уже не вернётся. На фотографиях было его счастье, улыбки, радость, веселье, победы и поражения, дружба и соперничество.

С шести лет он играл в футбол. Это был глоток свободы, это была его жизнь. Каждый день после школы он шёл на футбольное поле и вместе с друзьями проводил в футбольном безумии до самых сумерек, пока могли видеть мяч. Так шлифовалось мастерство. Потом играли в районе и там побеждали, потом их пригласили играть в городе, пока двое его друзей ездили раз в неделю на тренировки третьесортного клуба. Потом их троих заметили на одном из матчей, где его выпустили на поле в последней четверти часа второй половины игры, и он смог отличиться, забив единственный гол в том матче. Какая неопытная радость окрыляла его и его друзей. Их пригласили пойти на тренировку в клуб «Черноморец». Друзья пошли, а он не смог: заболела мама. Но спустя неделю он появился на поле «Черноморца» и даже забил гол. Но это была репетиция перед настоящей игрой. Он и его друзья были в числе запасных. Трое деревенских парней, вершиной для которых было играть на одном поле хоть с одним игроком из знаменитого одесского клуба, неожиданно приглашены

для игры в составе клуба. В тот день выпустили только одного из трёх друзей.

Это был он, Максим. Гол он тогда не забил, но смог дважды отличиться, с его подачи были забиты два гола в ворота противника. Тренер тогда похвалил его, ставя его игру в пример остальным. Потом потекли месяцы неудач и тягостных разочарований. Он стал реже появляться на тренировках, в отличие от его двух друзей. Затем заболел его отец и вскоре умер, цирроз печени. А ещё спустя три месяца его призвали в армию.

На одной из фотографий в снимку стоят трое друзей. Было это на стадионе «Черноморца». Одна из трёх фотографий досталась ему, с ней он не расставался на службе. Она хранила его от пуль, напоминала ему о юношеских мечтах. Теперь она висит на стене, над его кроватью. Двое его друзей, судя по их коллективному письму к нему, до сих пор играют за «Черноморец» в запасном составе, в надежде перейти в основной. Живут они в городе, там и работают, и учатся в педагогическом университете.

Кто-то окликнул его. Это была его мать, вся встревоженная, напряжённая.

— Он приехал!

Кортеж из трёх чёрных машин действительно стоял на улице у обочины, перегородив проезд — не из-за того, что неверно поставили машины, просто улица деревенская была в одну полосу, а машины президента слишком

крупные. Почти вся деревня при-
была к дому Максима. Президент
был не один, с ним приехал глава
областной администрации, гене-
рал-лейтенант из областного воен-
комата и президент знаменитого
футбольного клуба.

Так как калитка была узкой, а
иные гости — широкие в некото-
рых местах, то пришлось откры-
вать ворота. Мать Максима вы-
несла к гостям пирог, президент
попробовал, похвалил хозяйку,
назвал её матерью героя.

Куры разбежались по дво-
ру, спасаясь от большого числа
людей, влившихся во двор, при-
жимаясь к забору, с безумным
кудахтаньем подпрыгивая выше
забора и вылетая в огород. Пред-
седатель пообещал матери Макси-
ма оставить ей трёх кур, если она
скажет, что всех их подарил ей
лично председатель.

Максим сидел в коляске во
дворе, в окружении толпы, с
интересом разглядывая высокие
чины, и краем глаза в надежде
искал среди людей Оксану. Её не
было.

Президент сказал короткую
речь, пожал Максиму руку за его
героизм, за смелость в бою, ска-
зал, что им должны гордиться
молодые солдаты, вручил имен-
ные часы и футбольный мяч, на
котором слабо виднелись подписи
основного состава футболистов
киевского «Динамо». Максим от
радости прослезился. Кто-то из
толпы крикнул: «Слава ВДВ!»
Максим подхватил и со слезами
на глазах, с наивной юношеской
улыбкой звонко произнёс:

— Слава ВДВ! Слава Украине!

В дом президент не вошёл. Че-
рез пять минут его кортеж уже ис-
парился, оставив журналистов в
недоумении. Но и этого отснятого
материала хватало для новостей и
статей. Люди начали расходить-
ся. Председатель пообещал мате-
ри Максима, что он даст средства
на починку забора, якобы ему
обещали выделить. Семь кур он
забрал, оставив троих, как и обе-
щал. Правда, одну из них матери
пришлось ловить в огороде.

Когда все разошлись, обсуж-
дая новость и хвастаясь, что ви-
дели и даже фотографировали
президента, в доме настала ти-
шина. Собака выбежала во двор,
несколько минут лаяла, посма-
тривая в сторону ворот, затем
утихла, спрятавшись в прохлад-
ной конуре, облизывая свои лапы
и тихонько завывая.

Президентский кортеж выехал
на шоссе и умчался в город, где
президента ждал частный само-
лёт.

— Устал я от этой работы, —
сказал президент, разглядывая в
окно сельские поля, на которых
пыхтел трактор.

— Хочу отдохнуть, — добавил
он.

— Хотите поехать семьёй? —
спросила молоденькая секретар-
ша.

— Да, на Мальдивы.

— Когда?

— Через неделю. Надо завер-
шить ещё несколько дел. Закажи
на меня частный рейс на пять че-
ловек, до острова и обратно, через
пять дней.

— Как в прошлый раз?

— Да, жене и детям понравилась.

— Это будет стоить полмиллиона евро.

— Да хоть миллион. Инкогнито, разумеется.

— Выезд и приезд ночью?

— Да, так лучше.

Уже темнело, Максим сидел у стола и глядел вдаль, как догорают последние лучи спрятавшегося солнца. В руках он всё ещё держал мяч, где на белых фигурах были выведены ручкой подписи футболистов. С интересом юноши он рассматривал каждую подпись, догадываясь, кому она принадлежит, и вспоминая игру этих счастливиц. Он гордился этим щедрым президентским подарком, ведь не каждому такой

мяч достаётся. Вероятно, это был самый счастливый его день. Часы висели на его руке, и он изредка поглядывал на имя того, кто сделал ему столь великолепный подарок. Да, сегодня он был вполне счастлив, внутри него бурлила энергия молодости, — когда не замечаешь неудачи и готов столкнуться с любыми трудностями и житейскими бурями. Он вновь окунулся в былые мечты и яркие воспоминания прошедших дней.

Мать Максима сидела в небольшом тёмном коридорчике, на табуретке. Из темноты ей был виден силуэт сына, сидевшего напротив окна. Уже не молодыми глазами она смотрела на родное дитя и тихо плакала, глотая слёзы, и сдерживаясь, чтобы сын не услышал её.